

10. Макаров Т.И. Диалектика развития. Диалектический материализм и постадийный анализ развития человека и общества. – М.: Эдитус, 2025. – 202 с.
11. Павлов М.Н. Диалектика возникновения и развития реальности / М.Н. Павлов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Кострома: Костромиздат, 2020. – 184 с.
12. Солина Е.М. Возможные варианты толкования гегелевской диалектики / Е.М. Солина // European Scientific Conference: сб. ст. VII Международной научно-практичес-

- кой конференции. – Ч. 1. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 122– 124.
13. Фрагменты ранних стоиков: Зенон и его ученики / перевод и комментарии А.А. Столярова. – Т. 1. – М.: ИФ РАН; Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. – 252 с.
14. Lustin Yu.M. Dialectical typology: conceptual potentiality // Proceedings of the International University Scientific Forum "Scientific Dialogues: Russia and the UAE in the 21st Century". (April 23, 2025. UAE)., Part 2. – Pp. 88-94. DOI 10.34660/INF.2025.75.74.142

THE SIGNIFICANCE OF LEIBNIZ'S IDEAS IN THE ERA OF PETER THE GREAT'S REFORMS

Nikulushkin Konstantin Vladimirovich, Rector, Institute of Philosophy and World Culture, St. Petersburg

This paper examines the period of Russian history of the reign of Peter the Great at the time of the emergence and development of the cultural and ideological dialogue of the Russian tsar with the German scientist-philosopher Leibniz. The purpose of the study is to determine the influence of Leibniz's educational and political ideas on the course of state reforms during the reign of Peter the Great. The following tasks are formulated - to determine the content of the business relations of Peter I and Leibniz and to establish the nature of the cultural and political time during the meetings of the Russian Tsar and the German scientist. The following results were established: the ideas of the German philosopher coincided with the nature of the reforms carried out in the country and were included in the general context of the Western European transformations of Peter I; the difficulty of including Leibniz's ideas on the new state and educational structure of Russia was determined by the foreign policy circumstances of the period of the Northern War, and not by the condition of not understanding the meaning of the proposed philosophical projects. The novelty of the study is due to the author's interpretation of historical sources and scientific opinions, which reflected the content of the meanings of business communication between Peter I and Leibniz.

Keywords: cultural reform; diplomacy; education; education system; philosophical idea; political situation; Russian thought; state structure.

EDN: OGMSHA

DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.36

Цитировать: Никулушкин К.В. Значение идей Лейбница в эпоху реформ Петра Великого // KANT. – 2025. – №3(56). – С. 236-247. EDN: OGMSHA. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.36

УДК 130.2.93
ВАК РФ 5.7.8

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ ЛЕЙБНИЦА В ЭПОХУ РЕФОРМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

© Никулушкин К.В., 2025

В статье рассматривается период русской истории эпохи правления Петра Великого в момент возникновения и развития культурно-идейного диалога русского царя с немецким ученым-философом Лейбницем. Целью исследования является определить сущностное влияние образовательных и политических идей Лейбница на ход государственных реформ в период правления Петра Великого. Согласно данной цели сформулированы следующие задачи - определить содержательный характер деловых отношений Петра I и Лейбница, установить культурно-политический аспект исторического времени в период встреч русского царя и немецкого ученого. В заключение исследования установлены следующие результаты: идеи немецкого философа совпадали с характером проводимых в стране реформ и включались в общий контекст западноевропейских преобразований Петра I; сложность масштабного включения идей Лейбница по новому государственному и образовательному устройству России была обусловлена внешнеполитическими обстоятельствами периода Северной войны, а не условием непонимания значения предложенных философско-просветительских проектов. Новизна исследования обусловлена авторской интерпретацией исторических источников и научных мнений, отразивших содержательность значений делового общения Петра I и Лейбница. В процессе исследования применялись методы: герменевтический и исторически-сопоставительный анализ. Дальнейшие перспективы

определены идеей изучения исторических материалов, раскрывающих российские проекты Лейбница и его отношение к представителям государственного двора, с целью установления непосредственного объективного понимания их научно-философского, а не личного прагматического характера.

Ключевые слова: государственная структура; дипломатия; культурная реформа; просвещение; политическая ситуация; русская мысль; система образования; философская идея.

Введение. Немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц не только определил интеллектуальное влияние на парадигму западноевропейского научного познания в период начала эпохи Просвещения, но и сформировал ракурс внешнего воздействия на развитие русских образовательных и научных институтов во времена реформ Петра Великого. Лейбниц лично встречался с русским царем для обстоятельных бесед по теме возможных путей развития русской науки и системы образования и был принят в 1712 г. на должность тайного советника юстиции с годовым окладом в 1000 талеров.

Сохранившиеся документы периода правления Петра I позволяют раскрыть многие лакуны деловых отношений первого российского императора и немецкого философа, также полагавшего свое происхождение из славянского рода "Лубеничей" [19, 20, 22]. Тем не менее, в процессе изучения исторических материалов возникает некоторое положение "тайны" в беседах русского царя и философа на основании различных исследовательских интерпретаций, определенных неясностью содержательного значения данных встреч. Формируется представление о чрезмерном влиянии Лейбница на характер и направления многих реформ в России Петровской эпохи, в пространстве которой Лейбниц становится интеллектуальным демиургом, утверждающим новый порядок культурного развития.

Существуют также исторические разночтения в реальном количестве встреч Петра I и Лейбница. Например, 1. К. Фишер указывает на пять фактов [15, с. 241] личного общения русского царя и немецкого философа: в замке Коппенбрюкк (1697) возле Ганновера, когда Петр I проезжал в составе Великого посольства; в Торгау (1711) на свадебной церемонии царевича Алексея; в Карлсбаде (1712), где Лейбниц принимается на русскую государственную службу; в Пирмонте (1716), когда Петр I проходил лечение минеральными водами, а также в процессе совместной поездки из Пирмонта в Герренгаузен (1716). 2. В.И. Герье утверждает о трех встречах [4, с. 725], произошедших в Торгау (1711), Карлсбаде (1712), Пирмонте (1716), а первая встреча Лейбница с Петром в Коппенбрюкке (1697) исключается В. И. Герье на основании факта отсутствия Лейбница в числе избранных лиц, допущенных к свиданию с русским царем, находившимся инкогнито в составе Великого посольства; встреча в Герренгаузене (1716) полагается В.И. Герье в качестве одной "пирмонтской" по причине единства сюжетно-содержательного общения, начатого в Пирмонте. П.П. Пекарский также упоминает первую встречу Лейбница с Петром I только в Торгау 1711 г. [11, с. 26] на основании действительного факта состоявшегося общения, а не в Коппенбрюкке.

Характер культурно-политических взглядов Лейбница на Россию не являлся постоянным и в течение времени изменялся вместе с развитием внешнеполитических событий, опреде-

НИКУЛУШКИН
Константин
Владимирович, ректор,
Институт философии
и мировой культуры,
Санкт-Петербург

ленных участием Петра Великого, от восторженно-созидательных до совершенно отрицательных, деструктивных, и обратно. Например, достаточно странным может показаться искреннее стремление Лейбница к воплощению просветительских взглядов в России после поражения русских войск под Нарвой (1700), когда немецкий мыслитель не только разочаровался в утраченной возможности создать "царство разума" под протекцией русского царя, но и написал панегирик шведскому королю Карлу XII, пожелав ему скорейшей победы над "московией". Фрагмент письма Лейбница шведскому агенту Сторрену от 23-го сентября 1701 года является достаточно красноречивым в отражении внешнеполитических взглядов немецкого философа: "Москвитяне поплатятся за свое безумие <...> Действительно, завоевания, которые Швеция сделает с этой стороны, вызовут всего менее зависти и противодействия и могут быть очень значительны. Самая лучшая пеня, которой можно бы было подвергнуть Варшавский двор, по моему мнению, должна была бы состоять в том, чтобы принудить его оказать вам помощь. Через это король Август выиграл бы столько же, сколько и сама республика, которая этим путем могла бы приобрести Смоленск и другие города. Что касается до меня, то я желал бы, чтобы ваш молодой король властвовал до самой Москвы и до реки Амура, которая, как говорят, отделяет империю Москвитян от Китая <...> Ваши завоевания с этой стороны были бы очень важны для общего блага. Имя реки, которую я называл, служит добрым предзнаменованием и напоминает мне общие желания, чтобы ваш король был также счастлив в любви, как на войне" [3, с. 46-47]. Пожелание Лейбница о том, чтобы польский король Август II (курфюрст Саксонии) разорвал Северный союз с Петром Великим против Швеции и стал союзником Карла XII с возможностью последующего приобретения западнорусских городов вместе со Смоленском, говорит о ясном и точном представлении Лейбница политических выгод для Польши. Подобное предложение, определенное поиском выгод, может возникнуть только при условии продуманного сценария, в котором немецкий философ раскрывает психологический факт не случайной эмоциональной спонтанностью высказывания, а хорошо сформулированной собственной идеей, утверждающей ценности и приоритеты политического взгляда. Необходимо указать, что впослед-

ствии Лейбниц разочаровался также в молодом шведском короле Карле XII [3, с. 66], который не проявил никакого интереса к просветительским идеям философа в процессе военных действий Северной войны в отличие от Петра I.

В политической жизни государств третьему лицу (субъекту) возможно соблюдать "плохой" нейтралитет, не оказывающий предпочтений ни одной из воюющих сторон, извлекая собственную выгоду, но совершенно невозможно быть искренним представителем сразу двух дипломатических сторон, сражающихся в едином внешнеполитическом пространстве.

Результаты исследования и обсуждение. Факт личных встреч Петра I с Лейбницем и последующее привлечение на русскую службу обусловлен не уникальным положением немецкого философа в ракурсе личного взгляда русского царя. Данное событие отражает общий сюжет в формировании новой социально-культурной модели, при которой требовалось утверждать не только внутренние реформы, направленные на выражение идеалов и предметных значений Западного "европеизма", но и создавать новый образ России в пространстве западноевропейской культурно-политической аудитории. Т.В. Черникова указывает на данное положение в следующих словах: "Через личную дипломатию Петра и личные знакомства его сподвижником с видными западноевропейскими интеллектуалами ширилось позитивное восприятие России в Европе. В начале XVIII в. озаботились наличием на русской службе "немцев-пиарщиков". Первым таким агентом стал выпускник Страсбургского университета барон Гюйссен. В его обязанности входило приглашение военных на русскую службу, перевод на западноевропейские языки царских манифестов, заказ европейским ученым сочинений с добрыми отзывами о России, ее монархе и министрах" [17, с. 325-326].

Лейбниц был из тех немногих представителей западноевропейской культуры, который самостоятельно искал встречи с новым русским государем в целях возможной реализации собственных теоретических взглядов на построение нового лучшего общества в масштабе одного государства. Содержательная идея Лейбница о желании оказать влияние на русского царя Петра I раскрывается в письме от 1697 г. одному из своих приятелей Морелю: "Вы даже подумать не можете, насколько я разъярен тем, что недостаточно пользуются пребы-

ванием Московского царя и теми благими намерениями, которые он высказывает. Завоевать разум ... человека, такого, как Царь или китайский монарх, и обратить его истинному благу, внушив ему рвение к славе Божьей и к усовершенствованию человечества ... это дороже сотни выигранных сражений, ибо от воли таких людей зависят миллионы других" [6, с. 113]. Необходимо отметить равновеликую сравнительную выразительность русского царя и китайского императора в контексте высказывания Лейбница, желающего "обратить к истинному благу" представителей двух великих государств, которые, согласно немецкому философу, совершенно не ведают о понятии "истинного блага". Общее стремление в масштабе культурной идеи к духовной христианской жизни и славе Божьей в России возникло после Крещения 988 г. и к моменту письма Лейбница прошло длительное испытание различными историческими событиями (княжеской междоусобицей, монгольским нашествием..., периодом Смутного времени...); Китай обладал древними традициями другой "славы Божьей", развивающей "истинное благо" в религиозной сфере. Внерелигиозный контекст китайского "блага" обусловлен тем, что возможно, Лейбниц исключил из собственных представлений многие китайские открытия (порох, шелк, компас...), ставшие важной культурной частью в развитии общей мировой цивилизации, ведущей к "усовершенствованию человечества".

Характер интересов Лейбница в отношении России был определен многочисленными проектами в различных областях культуры: лингвистическое направление обусловлено желанием получить представление о диалектах всех народов, проживающих в государстве; историческое направление раскрывалось формированием гипотез о происхождении Рюрика и развитии этнографии народа России; направление географии утверждалось интересом существующих границ между Азией и Америкой; миссионерская деятельность полагалась желанием объединить христианские церкви в религиозное единство с последующим продвижением на территорию Китая; политическое направление было сформулировано идеей антитурецкой и антифранцузской коалицией; но основным направлением был проект русского просвещения, в структуру которого входила школьная реформа, создание университетов и Академий наук.

Система западноевропейских университетов в данный период все еще была определена средневековыми традициями, обусловленными религиозным авторитетом церкви в лице аббатов и епископов, – теологический факультет оставался самым главным. Соответственно, Лейбниц полагал, что необходимо создать в столице каждого государства свободные Академии, в пространстве которых "республика ученых перестала быть только словом и сделалась бы великим благоустроенным, благословенным государством, федерацией ученых обществ для способствования цивилизации человечества, посредством распространения наук" [1, с. 1329]. Подобный платоновский мотив, к сожалению, есть великая утопия – положение мыслителя и политика невозможны в структуре психологии одной личности, слишком различные качественно-динамические характеристики требуются для актуальности профессионального воплощения: политик обусловлен сильным волевым действием в принятии важных решений без длительных размышлений и рассуждений на основании культурного масштаба собственной личности: сильный политик – сильное государство; ученый определен в своих решениях сильным доказательством и исчерпывающей аргументацией, на которую отводится большая часть структурного времени в рассуждениях и поисках, создающих позитивный итог в качестве научной истины: мудрый ученый – длительный опыт. Тем не менее, факт продвижения Лейбницем идеи образования Берлинской Академии определен ее созданием 11 июля 1700 г., в научном пространстве которой немецкий мыслитель был назначен первым президентом [21, с. 44-45].

Направленное движение идей Лейбница в область русской культуры через осуществление влияния на русского царя обусловлено многими факторами, не всегда совпадающими с целями, задачами и взглядами первого Всероссийского императора.

Психологическая позиция Петра I и Лейбница в структуре эпохи начала XVIII столетия обладает существенным отличием – русский царь был определен задачами исключительно прагматическими, направленными на разрешение государственных вопросов внешнего и внутривнутриполитического назначения; Лейбниц рассматривал устройство мира через выразительность теоретических аспектов, формирующих новые модусы культурного и цивилизационного

характера без условий политических разграничений. Сила оружия в качестве одного из главных инструментов внешнего влияния воспринималась двумя историческими фигурами совершенно в различных сюжетных направлениях: Петр I силой армии и флота предполагал утверждение утраченных за период XVI – XVII-го столетий интересов России на международной арене, Лейбниц желал, при условии наступления паритета военной силы в европейских границах, создать общий благой порядок, в котором основанием для развития станет рациональность. Данные различия взглядов объединялись существенно важным мотивом – формированием нового пространства, со стороны Петра Великого – нового эстетического и политического образа русского государства, а со стороны Лейбница – нового просвещенного общества на основаниях квинтэссенции мировой мудрости (с уточнением в контексте исторического времени – западноевропейской). Петр Великий стал первым русским царем, который не обладал общественным страхом (что скажут бояре и церковь?) перед радикальными личными решениями в сфере внутривластного государственного устройства. Существует большое количество научных трудов по историческому периоду царствования Петра I, которые раскрывают указанный факт в положениях классических методологических подходов. Тем не менее, имеются взгляды на основании современных концепций, декларирующих новый модус исторической выразительности времени "европеизации" в русской культуре. Например, И.В. Кондаков приводит интересное предположение о значении и роли Петра I в русской истории: "Заслуга Петра как исторического деятеля заключалась в том, что он волевым образом утверждал новый культурный порядок как средство дальнейшей хаотизации социума и не страшился социального хаоса как средства утверждения культурного порядка. Простое включалось каждый раз в систему сложного, и многомерный, многозначный контекст определял семантику каждого включенного в него текста. Тем самым устранялась сама проблема преодоления "хаоса" и установления "порядка". "Хаос" воспринимался как своего рода "норма" и выступал как синоним "порядка" – культурного и цивилизационного" [7, с. 30]. Сложно согласиться с подобным утверждением, поскольку Петр I совершенно не стремился к хаосу, формируя новый порядок государственного су-

ществования на основании новых институтов, например в виде Сената, Коллегий или Табеля о рангах. Необходимо отметить, что созданные Коллегии просуществовали до периода царствования Александра I, который начал проводить "министерскую реформу" в 1802 году, упразднив несколько устаревшие формы управления, а Правительствующий Сенат и Табель о рангах были отменены один за другим с небольшой временной последовательностью после падения монархии в России 1917 г. Петр Великий желал утверждение нового порядка на долгие века политического существования, расположенного за пределами любой "хаотизации социума", который по своим новым законодательным положениям становился без всякой "хаотизации" созидательной частью общегосударственного развития на основании персональных возможностей личности, а не условия фамилно-родовой принадлежности. В данном случае, идея применения И.В. Кондаковым синергетической концепции к тексту русской истории Петровской эпохи проработана с большими историческими и культурно-прагматическими упущениями, разрушающими понимание и значение идейного времени в России первой трети XVIII столетия.

Личные встречи Лейбница с Петром I обладают слабой идейно-исторической содержательностью, в области которой невозможно с точностью представить деловой статус (или более строго – статут) данных бесед. Необходимо указать, что две встречи из трех русского царя с Лейбницем проходили в контексте общих увеселительных походов (свадьба царевича Алексея в 1711 г., лечение на водах в Пирмонте 1716 г.), именно на основании данного факта Лейбниц так хорошо описывает последствие лечебных вод, отразившихся на здоровье Петра I и его свиты [3, с. 188], и практически ничего не записывает о результатах личной аудиенции. В.И. Герье ссылается на особый режим личного разговора Петра I и Лейбница, при котором любое слово – факт государственной тайны [3, с. 125-126]; но если внимательно прочитать все предложения Лейбница, обусловленные идеями просвещения, а также принять содержательность всех дипломатических действий немецкого мыслителя в отношении службы российскому Отечеству, то с очевидностью станет ясно – никаких важных тайных миссий Лейбницу не поручали, все действия были определены характером сюжета условного посредничества между

знакомыми персонами, от которых не могло исходить внешней серьезной угрозы ни русской дипломатии, ни тем более отношениям войны и мира между странами. В.И. Чучмарев указывает на неоспоримый факт отношений двух исторических деятелей: "Его [Лейбница] связи с Петром скоро стали известными в Европе. Те же французские просветители, пожалуй, ранее других западных писателей постарались осведомиться о русских проектах Лейбница. Они горячо приветствовали общение Петра с германским ученым" [18, с. 25]. Именно подобная известность Лейбница в качестве личного собеседника Петра Великого могла являться поводом для возможного беспокойства русского двора, чтобы оказывать немецкому ученому приватного почтения в политической области государственных интересов. Данный факт также мог повлиять на исключения пунктов в тексте патента об утверждении Лейбница на государственную службу 1712 г. в ранге тайного советника юстиции: на стадии проекта были вычеркнуты в черновом варианте следующие положения, на которых настаивал Лейбниц: "...причем мы ему всемилостивейше поручаем представлять полезные соображения относительно улучшения суда и введения хороших законов" и также вычеркнуто обещание "снабжать его из нашего государства полезными сведениями и обращать особенное внимание на его предложения и советы" [4, с. 724].

Лейбниц не являлся важной персоной для тайных дел, соответственно, встречи Петра Великого с мастером мысли должны были проходить в свободном разговоре на манер беседы Петра I с одним из представителей Университета Сорбонны – Бурсье, который предлагал русскому царю (в период его посещения Франции в 1717 г.) единство христианской веры под эгидой Римского папы. Петр отшучивался от идеи Бурсье словами "я солдат и в богословие не вмешиваюсь" [11, с. 39-40], но предложил составить о данной идее записку, которую передал русским епископам, предложившим достойный религиозного красноречия дипломатический ответ в двух письмах о невозможности подобного решения.

В действительности, Лейбницу сложно было комментировать общие беседы с Петром I, когда осведомленная о встречах аудитория немецкого философа ожидала от него просветительско-философского или политического феномена. Соответственно, немногословие самого мыслителя придава-

ло осязаемое психологическое значение самой встречи, которая превращалась в значимое событие. Необходимо внимательно присмотреться к просьбам и задачам, которые определяет Лейбниц для устроения идей российского просвещения в своих заметках и письмах разных временных периодов – они практически повторяются без существенных изменений в своих главных положениях: "1) основать центральное учреждение для наук и художеств; 2) привлечь способных иностранцев; 3) выписать из-за границы такие вещи, которые стоят этого; 4) посылать подданных путешествовать, приняв надлежащие предосторожности; 5) просвещать народ у себя; 6) составить точное описание страны, чтоб узнать ее нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостает" [3, с. 16].

Согласно приведенным положениям записки Лейбница от 1697 года, может возникнуть представление о непосредственном влиянии изложенных в ней идей на масштаб петровских преобразований в России, поскольку они практически утверждают направление царских реформ первой трети XVIII столетия. Тем не менее, первая встреча Петра Великого с Лейбницем, при которой были раскрыты программные цели немецкого мыслителя, произошла только в 1711 году, когда многие существенные реформы в культурно-политической жизни государства уже были проведены или определены в качестве будущих идейно значимых и необходимых. В.И. Чучмарев указывает на данное отношение Лейбница к проводимым изменениям в России: "Немецкий просветитель со всеми своими предложениями двигался в общем русле того течения, в котором выступали также русские советники, прожектеры, соратники Петра. Поэтому во многих его проектах касательно России возможно без труда обнаружить русский аналог. В этом заключалась сила и одновременно слабость выдвинутых им проектов и предложений: они свидетельствовали о высоких намерениях их творца, но не поспевали за событиями, происходившими в России, а иногда даже противоречили или не соответствовали им полностью" [18, с. 26].

Лейбниц не являлся ключевой фигурой, на которую он сам претендовал в политической жизни России, желания Петра I скорее совпадали с внешним образом западноевропейской культуры, чем были предопределены "культуртрегерством" Лейбница, утверждавшего свои взгляды на развитие и образование русского внутри-

политического пространства. Например, в одном из писем Лейбниц после назначения на русскую службу в 1712 году пишет курфюрстине Софье-Шарлотте: "Вам покажется странным, что мне придется быть в известном смысле русским Солоном" [4, с. 725]. Новым российским Солоном в области законов Лейбниц не стал (в тексте статьи уже указан факт отказа Лейбницу в данной функции), немецкий философ стремился утвердить в России экспериментальную сферу развития и воспитания "новых нравов", определенных квинтэссенцией европейской мысли, а не построить "благое государство" по утопическому проекту теорий Платона, Томаса Мора, Фрэнсиса Бэкона или Томмазо Кампанеллы. Необходимо указать, что с высокими нравственными помыслами о расцвете науки в государстве Петровом сам Лейбниц так ни разу и не посетил страну, чтобы лично увидеть культурную и политическую реальность вместе с происходящими реформами. Теоретический замысел нового обустройства всегда требует практической проверки, но реального действия в отношении движения по маршруту городов, которых Лейбниц указал в качестве основных столпов будущей академической мысли, мастер философской идеи так и не произвел: "Москва, как столица, Астрахань, Киев и Петербург заслуживают особенного внимания относительно учреждения в них университетов, академий, школ" [3, с. 142-143].

В подобном случае возможно провести компаративно-историческую линию: если Платон выстраивал текст нового общества в литературном формате диалога с названием "Государство" в качестве философско-политической идеи (которая не приглянулась ни его современникам, ни потомкам), то Лейбниц стремился к воплощению своей идеи в пространстве русской культуры, которая была ему знакома только в опосредованном искаженном положении (конечно, необходимо указать, что идеи Лейбница в отличие от идей Платона обладали характером представления об улучшенной западноевропейской практике в сфере развития образования и науки, но в них не предусматривалось значения исторической выразительности русского государства, объединившего многие народы с характерными чертами собственной национальной культуры). В.И. Чучмарев указывает на факт незначительного знакомства с текстом русской образовательной и научной культуры периода Петра Великого:

"Следует отметить, что хотя Лейбниц и стремился усердно служить просвещению петровской России, но он, видимо, недостаточно был осведомлен (даже к концу жизни) о расширении в ней сети начальных школ и открытии новых профессиональных учебных заведений. Не были известны ему и смелые проекты Ф.С. Салтыкова, А.А. Курбатова и других в этой области, мечтавших о быстрой организации по всей стране гимназий, академий, библиотек и вообще всех "свободных наук" [18, с. 32]. Также не был известен Лейбницу и трактат русского предпринимателя Петровской эпохи И.Т. Посошкова, который в своих практических положениях лучшего взгляда на экономическое развитие русского государства предвосхитил многие структурные значения рынка более позднего шотландского ученого экономиста XVIII столетия – Адама Смита.

Характер взглядов Лейбница был направлен в сторону выстраивания российского образования на совершенно новой интеллектуальной почве, определенной древним гносеологическим выражением *tabula rasa* (чистая доска). Немецкий философ полагал, что Россия – это территориальный потомок "скифского" государства [4, с. 702], которое по своему социально-культурному развитию недалеко ушло от формы существования древних племен. Соответственно, уровень "новой" системы улучшенного и скорректированного западноевропейского развития возможно утвердить совершенно бескомпромиссно на абсолютно чистом пространстве общего культурного (национального) сознания (или, согласно вышеуказанному латинскому принципу – высокобленному: *rasum* супин от глагола *rado* – скоблить, скрести). Россия, в которой господин Лейбниц никогда не был, виделась для мыслителя в качестве полигона идеалов Просвещения, а также возможностью для утверждения собственной персоны в ранге известного политика, соединяющего и разъединяющего союзы с обликом могущества Петра I в структуре Западного мира.

В.А. Куренной устанавливает интересный фрагмент, раскрывающий взаимоотношения Лейбница с аппаратом царского государственного управления в период его службы на благо российского Отечества: "Уже во время нахождения на царской службе Лейбниц просит самую, казалось бы, малость материалов из России, обращаясь в российские канцелярии, прямо к отдельным царским сановникам, и даже к

самому Стефану Яворскому. Ответов из России нет, приходится довольствоваться тем, что можно разыскать в западных библиотеках, и отрывочными сведениями из писем европейских путешественников. Однако же когда "русским правительством" было высказано пожелание собрать в Европе сведения о языке и истории славянских народов, то <...> лишь Лейбниц оказался способен составить краткую записку для Петра по этому вопросу. Лейбниц предлагает приобрести для России то упавшую в цене библиотеку, то кабинет медалей – все напрасно. В лучшем случае он получает ироничные ответы, вроде того, что дал посланник России в Вене барон Урбих, заметивший, что на случай войны России оченьгодились бы несколько миллионов таких медалей" [8, с. 351]. Следует указать, что в данный период Россия вела Северную войну со Швецией, возможно, что подобный факт не устраняет слабую способность новой формирующейся административной государственной системы к исчерпывающему ответу на запросы господина Лейбница, но в своем идейном предназначении, связанном с исполнением указов Петра Великого, внутриполитический аппарат справлялся достаточно успешно, конечно, при условии ясного понимания поставленной задачи, вопроса или масштаба установленной цели. Приведенный во фрагменте факт обращения "русского правительства" к Лейбницу о составлении сведений из западно-европейских источников в отношении русской истории и языка был обоснован его положением на государственной службе, а отсутствие желания русского царя приобрести библиотеку и собрание медалей может иметь множество объективных причин, требующих дополнительного исследования (например, личная библиотека Петра I насчитывает приблизительно 1663 интереснейших изданий на различных языках, возможно, библиотека, предложенная Лейбницем, не отвечала характеру идейных взглядов русского царя или дублировала по содержанию существующую) [2, с. 11].

Другое положение Лейбница, которое также осталось без должного ответа, определено в сохранившейся исторической записке от 1711 года, приведенной Гирье, где указывается на факт некоторого сопоставительного рекламного торгового предложения Лейбница "по введению наук" в России: "Если его величество назначит для этого ежегодную сумму в 10 000

талеров <...> то я уверен, что в один год можно будет достигнуть больших результатов, чем другие народы достигли в десять лет, и с 10 000 талеров можно сделать больше, чем иные сделали с 100 000 талеров" [3, с. 120]. Петр I прекрасно знал, как царь всея Руси все обстоятельства с образованием в своем государстве, и поверить в радикальные изменения, совершенные за один единственный год в области российской науки и дворянского просвещения, – конечно же не мог, при любом предложении Лейбница как за 10 000 талеров, так и за 100 000. Первый российский император хорошо понимал сущность утверждаемых им государственных перемен, которые должны были стать основой будущего прекрасного цивилизованного строения, именно по данному факту предполагаемого развития появляется "Правда воли монаршей" (1722) – произведение Феофана Прокоповича, обосновывающего новую идею престолонаследия, и "Устав. О наследии престола" (1722), позволяющий императору лично избирать себе подходящего наследника с необязательностью факта принадлежности к фамильной династии Романовых: "Должны Мы иметь попечение о целостности всего Нашего Государства <...> чего для за благоразсудили Мы сей устав учинить, дабы было всегда по воле Правительствующего Государя, кому Оной хочет, тому и определит наследство" [12, с. 496]. Возможно предположить, что данный указ является содержательным развитием изданного накануне закона "Табели о рангах" (1722), порядку о службе которого следовал в своей судьбе задолго до его законодательного оформления и сам Петр Великий. Необходимо отметить, что идею создания Табеля о рангах, как и систему коллегиального управления государственных дел некоторое время приписывали Лейбницу [23, с. 44-45], который, как полагали, повлиял на российского императора в процессе изложения своего видения необходимых преобразований в России.

Тем не менее, существуют различные взгляды на неисполненную просьбу Лейбница о финансировании российских преобразований по предложенному проекту. Например, В.А. Куренной приводит сопоставительный комментарий к запрашиваемой сумме Лейбницем, полагая, что столь незначительные расходы на просветительскую программу немецкого мыслителя могли быть найдены в российской казне: "Для оценки суммы, достаточной, в понимании

Лейбница, для начала преобразований, можно заметить, что 9000 талеров стоило годовое содержание одного российского посланника в Вене" [8, с. 351]. Император лично контролировал многие финансовые вопросы на основании собственного предположения о необходимости трат из расходной части государственного бюджета – представление о равенстве одного годового оклада с возможным итогом великих преобразований Лейбница возможно вызвало существенные сомнения и не соответствовало решению проводить лишние выплаты, когда в стране масштабно вводились различные прямые и косвенные налоги для проведения реформ и снабжения русской армии и флота во внешнеполитическом сюжете Северной войны.

Характер государственных дел и положений, которые Петр Великий принимал для себя в качестве важных и значимых, а к которым относился с легкостью повествовательного изложения – раскрывается в различных именных указах рассматриваемого периода. Например, в именном указе Сенату "О бракосочетании Государя Царевича Алексея Петровича" (1711) [13, с. 745] содержательный объем текста – три коротких предложения, но именной указ Петра I, изданный накануне бракосочетания "Об учреждении при войсках Комиссарства под управлением Генерал-Кригс-Коммисара" (1711) [13, с. 744] обладает подробным расписыванием войсковой функции указанной штатной единицы или именной указ, объявленный российским императором из Сената "О прощении и награждении тех, кои являсь в Канцелярию Правительствующего Сената, сами повинятся, или на других докажут, что подкидывали в Немецкой слободе подметные письма" (1711) [13, с. 750], раскрывает в подробном письменном изложении непростую ситуацию социального состояния общества в государстве. Подобное сравнение не может являться очевидным и исчерпывающим аргументом в утверждении факта политического значения различных государственных вопросов, но создает психологическую выразительность проблем, лично интересующих русского царя.

С.А. Мезин, рассматривая на предмет подлинности исторический документ, сохранившийся в фонде М.М. Сперанского: "Содержание истинного разговора Петра Великого с Лейбницем в Торгау" [10], приводит общую содержательную характеристику встреч Лейбница и Петра I с подчер-

кнутым значением целей немецкого философа: "Во время встреч с царем Лейбниц вынашивал планы поступления на русскую службу, мечтал о доходном месте президента Академии в Петербурге и разрабатывал секретные внешнеполитические проекты" [9, с. 117]. Возможно, что Лейбниц в структуре психологического портрета личности не был настолько прагматичным, как продемонстрировано в цитате, но честолубием немецкий мыслитель обладал, так же как и выдающимися интеллектуальными способностями, утвердившими значение его научной мысли и философских построений в тексте мировой культуры. Приведенный фрагмент раскрывает психологическую проекцию взгляда исследователя на сущностное практическое отношение Лейбница к Петру I и России. Возникает закономерный вопрос: если в настоящие дни подобное выражение коммуникации выглядит чрезмерно прагматически, как же должны были смотреть на великого философа современники Петра I?

Тем не менее, невозможно отрицать просветительское значение немецкого мыслителя на развитие преобразований в Отечестве эпохи петровских реформ; многие положения действительно имели место в разговорах и записях Лейбница по устройению новой внутривластной системы как в ясных и понятных целях и задачах, так и при содействии литературной метафоры: "Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелки жизни непременно будут показывать стране счастливые часы" [3, с. 197]. К сожалению, механистический принцип политического устройства "счастливого" государства возможен исключительно в теории, практика утверждает выразительность частного характера конкретной личности – благой принцип государственного устройства Швеции не устоял под управлением Карла XII, а Россия, перекаиваемая реформами Петра I в процессе военных действий, – вышла победителем на внешнеполитической арене.

Отношение личности к Отечеству в качестве главного идейного мотива развития государственных национальных интересов в противоположность существующей кон-

цепции политического механицизма приводит к одному интересному письму Лейбница в адрес Петра I, которое было написано в 1712 году: "Я не принадлежу к числу тех, которые питают страсть к своему Отечеству, или к какой-нибудь другой нации, мои помыслы направлены на благо всего человеческого рода; ибо я считаю отечеством Небо и его согражданами всех благомыслящих людей, и мне приятнее сделать много добра у русских, чем мало у немцев или других европейцев, хотя бы я пользовался среди них величайшим почетом, богатством и славой, но не мог бы при этом принести много пользы другим, ибо я стремлюсь к общему благу" [1, 1329]. Определение в письме Неба в качестве отечества является отражением структурного элемента Даосизма: "Путь, что может быть пройден, / Не есть постоянный Путь-Дао. / Имя, что может быть поименовано, / не есть постоянное имя. / Безымянное – Неба, Земли начало. / Именуемое – Матерью сущего стало" [14, с. 203] (курсив мой – Н.К.).

Невозможно с уверенностью сказать о предметной философской ясности слова "Небо" в высказывании Лейбница (во многих письмах мыслителя слово "небо" является некоторым синонимом высшей силы), но стремление к национальной "безымянности" в научном пространстве является интеллектуальным фактом, достойным истинного восхищения! Вильгельм Лейбниц совершил множество открытий, повлиявших на мировую научную мысль, но Петр I в отличие от Лейбница (если принять данный текст письма за искренний мотив немецкого философа) стремился с точностью в противоположную сторону – в любви именно к своему Отечеству, благо для которого он утверждал по своему собственному представлению на протяжении всей своей жизни. Путь Неба не мог заинтересовать Петра Великого в период получения письма от Лейбница в 1712 г., когда требовались огромные ресурсы для государственного переустройства и последующего развития всех новых культурно-политических институтов, а военные действия против Швеции были не завершены: вслед за Полтавской победой (1709) еще предстояла Гангутская морская битва (1714) и битва возле острова Гренгам (1720), а также дипломатические баталии с Англией (а после правления Петра I и с Францией) за утверждение российских побед в период Северной войны. Положение научной "нейтральности" Лейбница могло создать условие некоторого политического

подозрения, поскольку сегодня "добро для русских", а завтра вектор смысловой выразительности поменяется, и уже "добро для воинствующего соседа" – подобный факт "космополитических" предпочтений Лейбница в отношении Шведского королевства с Карлом XII в начале Северной войны после сражения под Нарвой уже был известен.

Реформы Петра Великого сформировали возможность программы ускоренного внешнего культурного дискурса между Западом и Востоком Европы на основании стремления к преемственности лучших моделей научно-образовательных и политических зарубежных институтов. Воплотить все идейные замыслы и довести их до общезначимой цели с содержательным развитием – вопрос всегда сложный, когда он определен характером возможностей в полноте законодательных действий одной личности. Эпоха правления Петра I завершается снижением позитивной динамической силы в дальнейшем продвижении необходимых государственных реформ, застывших на некоторый период после ухода из жизни первого русского императора. Существуют различные научные мнения о периоде структурных изменений в истории русского государства на основании западноевропейской модели. Например, отечественный историк В.О. Ключевский приводит в обобщении характера петровских реформ следующее заключение, демонстрирующее философскую содержательность русской социально-политической онтологии (бытийственного вопроса): "Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная" [5, с. 203]. В.О. Ключевский в данном фрагменте, обусловленным противоречивым выражением гуманистических положений в российской истории, определяет многие факторы государственного развития в качестве некоторого рода национальной "уникальности". Тем не менее, если рассматривать положение "свободы" предметно в компаративно-историческом раскрытии, то непростые

поземельные отношения крестьян с помещиками в виде "юнкерства", близкие к русскому крепостничеству, существовали в прусских регионах Германии, от силовых положений которых избавление произошло в XIX столетии; или форма откровенного рабовладения в США, которая полностью завершилась по факту окончания войны между Севером и Югом в 1865 году. В других случаях, определенных не поземельными отношениями, а какими-либо другими, возникает существенный вопрос к положению особой российской "квадратуры" на основании "действия деспотизма и свободы, просвещения и рабства" – в чем именно она отличается от стран Западной Европы, только географическим положением или наличием существования неограниченной монаршей воли русского царя до 1905 года?

Интересное представление о свободе раскрывает и сам Лейбниц в рекомендациях по устройству российского образования, теоретически сформулированного на ошибках западноевропейской модели: "Чтобы избежать злоупотреблений, которые вкрались в немецкие университеты <...> необходимо, чтобы молодые люди не пользовались неограниченной свободой, а были бы размещены по коллегиям или бурсам и жили там под присмотром наставников" [3, с. 192]. Соответственно, возникает философско-практическая антиномия, утверждающая необходимость понимания личной "не-рабской" свободы, но определяющая воспитание в молодом поколении психологических границ при участии и контроле наставников, надзирающих за проявлением свободы в реальных действиях. Возможный разговор в области педагогики Лейбница-практика с Ключевским-теоретиком, скорее всего, не привел бы к новым интересным результатам.

Т.В. Черникова переводит суждения В.О. Ключевского о свободе и рабстве периода эпохи Петра Великого в концептуальную содержательность понятия "русской воли", декларирующей особый ритм национального существования в пространстве государства: "Понять психологический перелом в настроении общества, совершенный столь быстро, невозможно не вспомнив о такой чисто русской ментальной категории, как "воля". "Воля" – антипод западному пониманию "свободы" <...> Русская "воля" противостояла закону, традиции, давлению власти, общины, семьи и даже самой "матушки природы". "Воля" требовала поступать по-своему. "Волей"

дышало разбойное движение и жизнь казаков Запорожья и Дона. "Воля" прорывалась в народном бунте, а у служилого класса – в произволе. "Воля" отрицала поучения попа. Она была подсознательной тайной каждого и почиталась в России стихийно бессознательно, но повсеместно" [17, с. 333]. Возможно, понятие "воля" слишком произвольно отделяется от понятия "свобода", ибо культурный человек волен поступать так, как велит ему представление о свободе в контексте морально-нравственных ценностей, обусловленных общими социальными принципами мирового гуманизма. Совершенно невозможно утвердительно предположить, что русская культура и русский народ находились за пределами общего исторического текста цивилизационных представлений XVIII столетия, словно изолированная среда островитян. Необходимо указать, что приведение к единству культурных значений Востока и Запада Европы определено не только положениями христианства, утвердившего идеалы русской эстетики и этики после Крещения Руси в 988 г., но и важными духовными принципами развития, складывавшимися в длительном процессе догосударственного родоплеменного взаимодействия – общие по содержанию представления о добре и зле входили в любой из языческих божественных пантеонов. Воля не является "чисто русской ментальной категорией" на основании приведенных примеров народных бунтов и восстаний, подобные действия в немалом количестве происходили и в странах Западной Европы без какого-либо отношения к "ментальности". Причислить волю к "ментальной категории" достаточно сложно, поскольку при логическом выводе получается форма высказывания – есть народы "волевые" и имеются "безвольные", что противоречит фактам исторической действительности. Определенно возможно произнести, что существует высокая культура и низкая по характеру содержательного выражения в социальных формах проявления, но и в данном утверждении всегда будет исторический контекст, а не "ментальный" – Древность, Средневековье, Возрождение... Воля – категория личностная: она проявляется в достижении поставленной цели и либо имеется, либо отсутствует, например, – царская воля Петра I изменила внутриполитический порядок государства без дополнительного исходного условия – "ментальной воли". Сильный волевой лидер – сильное государство, сильный народ

– подобный тезис не утратил своего исторического значения.

Заключение. Таким образом, встречи Лейбница с Петром Великим имели непосредственное отношение к пространству культурно-политического дискурса периода коренных реформ в российском государстве. Значение идей Лейбница на развитие русской культуры и формирование новой образовательной модели было не основополагающим, но совпадающим с преобразовательными целями Петра I, стремления которого в установлении новых принципов российского "цивилизационного пути" утверждались личными решениями на основании собственных взглядов о государственном благе. Первый русский император относился к предложениям немецкого философа с присущим вниманием, подчеркивающим характер как делового этикета, так и желания осознать необходимость предлагаемых культурно-просветительских сюжетов. Тем не менее, без достаточного основания с приложением личных аргументов Петра I идея не принималась независимо от объективности ее содержания (данное положение имело отношение не только к Лейбницу, но и к любому другому теоретическому проекту со стороны представителей западноевропейских стран). Видимая с интеллектуальных позиций настоящего времени неочужденность многих идей Лейбница определена не столько слабостью их понимания русским царем и новым административным аппаратом российского государства, сколько невозможностью их своевременного включения в контекст внутривластной жизни России, определенной существенно важным историческим этапом своего культурного развития.

Литература:

1. Анри В.А. Роль Лейбница в создании научных школ в России // Успехи физических наук. – 1999 (1918). – Т. 169. – С. 1329-1331.
2. Боброва Е.И. Библиотека Петра I. Указатель-справочник / под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: АН СССР, 1978. – 212 с.
3. Герье В.И. Отношения Лейбница к России и Петру Великому: по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб.: Печать В.И. Головина, 1871. – 207 с.
4. Герье В. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. – СПб.: Наука, 2008. – 807 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории Соч.: в 9-ти т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
6. Корнетов Г.Б. Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования // Историко-педагогический журнал. – 2016. – №4. – С. 99-132.
7. Кондаков И.В. "Порядок" VS "хаос": Петр I в интеллектуальной истории России / Петр Великий; сост. и ред. Е.В. Анисимов. – М.: ОГИ, 2007. – С. 9-33.
8. Куренной В.А. Лейбниц и Петровские реформы // Отечественные записки. – 2004. – №2. – С. 347-354.
9. Мезин С.А. Петр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. – 2011. – №1. – С. 115-120.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд М.М. Сперанского (№731). Д. 838. Содержание истинного разговора Петра Великого с Лейбницем в Торгау. Л. 1-4 об.
11. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2-х т. Т. 1. – СПб.: издание Товарищества Общественная польза, 1862. – 578 с.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Собрание 1-е]: в XLV т. Т. VI. – СПб.: II Отделение Императорской канцелярии, 1830. – 815 с.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) [Собрание 1-е]: в XLV т. Т. IV. – СПб.: II Отделение Императорской канцелярии, 1830. – 881 с.
14. Торчинов Е.А. Даосизм. "Дао-дэ цзин". – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.
15. Фишер К. История новой философии. Готфрид Вильгельм Лейбниц: его жизнь, сочинения и учение. – М.: АСТ, 2005. – 734 с.
16. Филиппов М.М. Лейбниц, его жизнь и деятельность: общественная, научная и философская. – СПб.: Издательство П.П. Сойкина, 1893. – 96 с.
17. Черникова Т.В. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2022. – Т. 21, №3. – С. 322-334.
18. Чучмарев В.И. Г.-В. Лейбниц и русская культура. – М.: Высшая школа, 1968. – 48 с.
19. Foucher de Careil A. Nouvelles lettres et opuscules inedites De Leibniz precedes d'une introduction. Paris: Typographie Hennuyer, 1857. – 437 p.
20. Guhrauer G.E. Gotfried Willhelm Freiherr von Leibniz: eine Biographie. Breslau: F. Hirt, 1846. – 373 s.
21. Harnack A. Gerschichte der Koniglich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin: Verlag von Georg Stilke, 1901. – 790 s.
22. Klopp O. Die Werke von Leibniz gemass seinem handschriftlichen Nachlasse in der Koniglichen Bibliothek zu Hannover. Hannover: Klindworth, 1864. – 532 s.
23. Posselt M.C. Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat und Moskau: Verlag von Friedrich Severin, 1843. – 284 s.